

А Н Д Р Е Й

Г У Щ И Н

СИЗИФ
НА ВЕРШИНЕ

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Андрей Гуцин
Сизиф на вершине

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Гущин А.

Сизиф на вершине / А. Гущин — «Алетейя», 2018 — (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-907030-97-8

Андрей Гущин (Кузьмичёв) – поэт, главный редактор международного литературно-художественного альманаха «Новый Гильгамеш». Автор поэтических книг «Атлантические песни» («Траверса», М., 1999), «Солнечный остров Буян» («Водолей», М., 2012). В 2012 году в Киеве по мотивам «Атлантических песен» был поставлен спектакль. Живёт в Киеве. В книгу вошли избранные стихотворения разных лет и поэтические переводы Нобелевских лауреатов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-907030-97-8

© Гущин А., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

Миф о Сизифе	6
Кризис гуманности	7
Прошгодний снег	7
«В кривом иллиминаторе – весна...»	8
«Сказать – не сделать. Проживём без клятв...»	9
Голые землекопы	10
Черты и резы	11
Эйвбери	11
«Умер Шумера, умер...»	12
Апории	13
«Обсели мухи абажур...»	14
Сон	15
«Дети солону палят. Алые снегири...»	16
Ars Brevis	17
Потоп	17
«Как белые мухи садятся на чёрный след...»	18
«Над горизонтом дым...»	19
«Рассядется порода. На масличной...»	20
«Слова сгустились в морозящий дождь...»	21
Красавище и чудовица	22
Хронос кенос[1]	23
«Ещё вчера плакун-трава...»	24
Сал, Бер, Йон, Рош	25
«Я – ветхий Адам...»	26
«Пусть ветер утихнет в ветвях...»	27
Сон	28
«Дух мятётся. Ворон грает...»	29
«Оставить влажный след в морщинке...»	30
«Карпатские горы родили мышь...»	31
Художник	32
«Радуйся, человеце...»	33
Сирокко	34
Пирамида	35
«Стань мне ближнею...»	36
Vita Longa	37
«День прошёл...»	37
«Листья, исчезающе легки...»	38
Киевская осень	39
«Море не замерзает, не застывает лава...»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Гуцин Сизиф на вершине

Серия «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы»

© А. Гуцин (Кузьмичёв), 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Миф о Сизифе

За попытку обмануть смерть боги обрекают Сизифа на бесполезный и бессмысленный труд. Теперь он должен изо дня в день вкатывать на гору огромный камень, который, достигнув вершины, неизменно скатывается вниз. Развивая сюжет древнегреческого мифа, можно предположить, что, вопреки ожиданиям богов, имея конечную цель, существование Сизифа наполняется новым смыслом. Желание преодолеть роковую неизбежность помогает удержаться от губительного отчаяния. Тщетность бытия теряет власть, когда человек начинает проявлять первые признаки презрения к ней. Но достаточно только допустить, что Сизиф может оказаться на вершине горы с камнем, который в силу каких-либо причин уже не скатывается, как раньше, вниз, мы переходим на следующий уровень понимания коварства богов – предопределённости, заложенной в основу древнегреческого мифа. Достижение конечной цели оборачивается потерей последнего смысла. И чтобы хоть как-то продолжить своё существование, привыкший к тому, что должен постоянно катить в гору камень, всем своим телом и всеми своими мыслями заточенный под выполнение этой работы, Сизиф теперь уже сам вынужден столкнуться с ним – к подножью горы.

«Сизиф на вершине» в книге стихотворений Андрея Гуцина – это совсем не тот Сизиф, который находится у подножья горы и налегает плечом на камень. Там, внизу, он ещё был полон презрения к уготованной участи. Презрение придавало сил, укрепляло надежду. Здесь, на вершине, он лишается всего, даже гордости за готовность к очередному состязанию с богами.

Если вспомнить Альбера Камю (эссе «Миф о Сизифе»), то мы увидим в этом персонаже древнегреческой мифологии метафору человека, который, несмотря на то, что вынужден ежедневно выполнять бесполезную работу на фабрике или в конторе, в минуты осознания своей никчёмности может возвыситься над абсурдностью ситуации. Именно поэтому Камю был интересен тот Сизиф, который спускался к подножью горы вслед за скатившимся камнем. Сизиф Андрея Гуцина – другой. Он, скорее, символизирует достигшего своей цели – реализовавшегося человека, который находится в состоянии растерянности от непонимания того, зачем ему это было нужно и что делать дальше? На выбор даются два варианта развития событий: Сизиф либо сам сталкивает камень вниз и спускается к нему, возвращаясь к своему обычному занятию, либо, оставаясь с камнем на вершине, ждёт ответной реакции богов, которая может обрушиться на него ещё более страшным наказанием. Книга Андрея Гуцина – это момент нелёгкого выбора, когда человек на бумаге, разделив страницу пополам, прикидывает все «за» и «против», склоняясь то в одну сторону, то в другую:

Когда лист утонет // Камень поплывет // Я взойду на свою // Громко сказано // Громко
сделано // Никто не виноват // Правды нет // Блуждание в лабиринтах // Коллективной памяти //
В лабиринтах // Приди освети // Внутренности судьбы // Пищевод все такое // То что оста-
нется // От вешних вод // Мать сыра земля // С радостью поглотит // С радостью // Превели-
кой // Вот кто любит тебя // Воистину любит // Любит без фальши

(Андрей Гуцин, «Кто тебя любит»)

Дмитрий Артис

Кризис гуманности

Прошлогодний снег

На радостях в последний снег
Лицом распаренным упавши,
Узнайте, добрый имярек,
Каков на вкус ваш день вчерашний.

Он сладок, потому что бел
И потому ещё, что смертен,
Хоть в оттепели уцелел.
Но попусту ему не верьте.

А верьте мартовским слезам
И звонам ангельской капли,
По неизвестным адресам
Летящим в замкнутые двери.

«В кривом иллюминаторе – весна...»

В кривом иллюминаторе – весна,
Протухшие одесские лиманы,
Дешёвые разгульные шалманы,
Зари кровоточащая десна.

На палец наматываешь клок волос
В багряной мгле, как сарафан, камчатой.
Я был знаком, знаком с тобой когда-то,
Но, как болезнь, знакомство перерос.

«Сказать – не сделать. Проживём без клятв...»

Сказать – не сделать. Проживём без клятв.
Года сошьём неровными стежками
И вскоре будем там, за облаками,
В кругу Эриний или бодхисаттв.

Я, на тебя взглянувши исподволь,
Мечтаю в тихий омут погрузиться,
На дно благословенное зеницы
По радужке спуститься винтовой.

И там впотьмах без усталости бродить,
Боясь от наваждения очнуться.
А страннику поможет не вернуться
Лишь Ариадны порванная нить.

Голые землекопы

Зверьки чудные
Не знают боли.
Слепы их царства,
Глубоки штольни.

Я нынче тоже
Бесчувствен, что ли.
Впотьмах летаю
Подобно моли.

И зреньем севший,
И духом нищий.
Подкорка с видом
На пепелище.

За олимпийцев
Я пью до колик,
Как третий лишний
И алкоголик.

Черты и резы

Эйвбери

Эй, забери меня в Эйвбери!
В ганглии каменной Англии,
В таинственный град Уилтшир
Перенеси, Всевышний!

В свой мезозой зелёный,
Где каждый в Тебя влюблённый
На миг полыхнёт ракетой —
И нету!

«Умер Шумера, умер...»

Умер Шумера, умер
Владыка, герой, пастух.
Плачет над прахом Гудрун,
Руны бормочет вслух.

Таинственный град Уилтшир
Тоже о нем скорбит.
Перенеси, Всевышний,
В богом забытый скит.

Ока не вынет ворон,
Если ты сам летуч.
Жми на четыре стороны
Выше ходячих туч.

Апории

Найти, как водится, не просто
Ответ на вечные вопросы:
Догнал ли Ахиллес Тортиллу
И что Сивилла покурила?

И можно ли в рассудке здоровом
Сразиться с целым Минотавром?
И правда ли, что он исчадь
Чресчур порочного зачатья?

Войти ж в Елену может каждый
Единожды и даже дважды,
Она – как вешняя река —
И широка, и глубока.

«Обсели мухи абажур...»

Обсели мухи абажур.
И я немного посижу.
Отрезанный ломоть доем.
Запью холодным бытием.

Всяк думу горькую отбрось
О том, что вкривь пошло и вкось.
Что жизнь, как детская юла,
Без подзавода замерла.

Сон

В ночь с понедельника на среду
Я крепко спал, мне снился сон:
В салон съезжаются к обеду
Кареты с четырёх сторон.

И я в трескучем тарантасе
Туда же правлю: людный зал.
Царице зала поклоняся,
Чешу со скуки причиндал.

Тут столько лиц туземной знати,
Не всех мне суждено узнати.
Я прислоняюсь к косяку:
Что светит на моем веку?

Я дальше сон не досмотрел
И бледный на кровати сел.
И тут из хмари поднебесной
Мне голос слышится чудесный:

«Крепись, мой неразумный брат!
Никто ни в чем не виноват,
Нет ни империи, ни хунты,
И лишь к войне приводят бунты».

«Дети солону палят. Алые снегири...»

Дети солону палят. Алые снегири
Порхают снаружи. Мысли горят внутри.
Огнище главное вижу, обширней нет.
До зорь достаёт его тонкий бухарский свет.

А далее, далее – сплошь непроглядный мрак,
Что там за кромкой огня? Не понять никак.
Уже не торфяник – неведомо, кто зажёт.
А ниже и глубже – какой-то саксонский смог

Равнину окутал, все этажи души.
Круши мою спину, в алмаз мои сны кроши —
А мрака не меньше, сколь факел тоски ни жги,
Кипящая льётся лава, но не видать ни зги.

Ars Brevis

Потоп

*Перелётные птицы поведали, возвратясь:
Как сгинул, – повсюду одни лишь воронки
И на пляжах чернеет мазутная грязь.*
У. Оден

Упало-пропало, прошло без следа —
Покрыла полмира большая вода.
А что же в итоге? Трофический ил,
В котором народы творец схоронил.

Потопа великого страшная гладь
Открыта, как некогда в клетку тетрадь.
На первой странице при взмахе весла —
Смешной человек заместо числа.

«Как белые мухи садятся на чёрный след...»

Как белые мухи садятся на чёрный след.
Давно и в помине прошедшего боле нет.
Нет боли. И поле, уставшее от серпа,
Ложится под спуд – покрывает его крупа.

И я порастаю рождественской скорлупой,
В желток обращаюсь, в белке нахожу покой —
В белёсом тумане, дурмане с карминным ртом,
В крещенском буране, мятущемся за мостом.

«Над горизонтом дым...»

Над горизонтом дым,
Куры в клубах кудахчут,
Боязно молодым,
А старикам тем паче.

Плачет по бабе яр,
Втоптаны в грязь куртины,
Ваньку свалял фигляр,
И под ярмом хребтины.

Невыносимый гнёт
Распрей, кровищ, оружий
С плеч однова падёт,
В черные грянув лужи.

Камень достигнет дна,
Как основанья храма.
Останется тишина,
Бывшая до Адама.

«Рассядется порода. На масличной...»

А. Никитину

Рассядется порода. На масличной
Забьют ключи. Случайный бедуин
Поднимет обожжённую табличку —
Осколок незапамятных руин.

Шилейко-младший разберёт вотивы:
Номенклатуру допотопных царств,
Правителей исчезнувших активы,
Помянник милосердий и коварств.

Ты сам из тех – длинноголов и смугл —
Чей царствен очерк савроматских скул.
И рассудить бы надо, в чем тут дело,
Но лампочка давно перегорела.

«Слова сгустились в морозящий дождь...»

Слова сгустились в морозящий дождь.
Читай роман по отсырелым спинам
И, заработав кашель и ангину,
Эвтерпу с Каллиопой не тревожь.

Пусть в вышних не узнают про тебя,
Решая достославные проблемы,
Как то: терзания стареющей Елены,
Утилизация троянского коня.

Твои делишки так же далеки
От эпоса, как сон эротомана
От флегматизма подлинной нирваны
И кирзовые всмятку сапоги.

Вдохни поглубже. Это – просто дождь
Без околичностей, подтекста и намёка.
Судьба ни в чём не знает экивока,
И почерка её не разберёшь.

Красавице и чудовища

Всё было чинно и серьёзно:
Кабак, былинный разговор.
Потом, как будто под наркозом,
Короткий рейс в гостиный двор.

Не пела свадьба, не плясала,
И шафером – приبلудный кот.
Но искры вышли из кресала,
И пот истёк на коверкот.

И счастлива была невеста,
В рассветный снь погружена,
Ей в тучах пыли и асбеста
Другая виделась страна,

Где он – владыка, пусть шерстистый,
Как юкагирский носорог,
На ней златистое монисто
И дорогой сафьян сапог.

Ах, только бы не просыпаться,
И грезить-грезить день-деньской,
И никогда не подыматься
С перин, обтянутых камкой.

Хронос кенос¹

За невидимую Стену
Заглянув в начале самом,
Пустоту великой сцены
Ощутишь в себе, как драму.

Пожалеешь, что судьбине
Поколенья жизнь отдали.
Капли красные рябины
Заржавели, как медали.

На притуле – кот Василий,
На столе кухонном – брашно.
О любви как высшей силе,
И задумываться страшно.

¹ «пустое время» (греч.).

«Ещё вчера плакун-трава...»

Ещё вчера плакун-трава
По Оболони зеленела.
А если б так, что нам за дело
До городского волшебства?

И празднеств шумных круговерть
Даёт таинственные всходы.
Зима, чья анаграмма – смерть,
Взаймы не просит у природы.

Салюты, вопли, кутежи.
Когда же наконец морозы
Наточат острые ножи
На коллективные психозы?

Звучит церковный антифон
Под голубыми небесами.
Подростки с круглыми глазами
Молчат и дышат в домофон.

Сал, Бер, Йон, Рош

Поспела рожь. И рожа расцвела.
И птица распушила перья.
Кто я теперь? Незапертая дверь
Или живой образчик двоеверья?
Кто я тогда, потом я – что за херь?

Я – бер лесов, мёд ведающий лев,
Во льдах любви сосущий лапу,
И стая тонкоклювых корольков,
Которых отправляет по этапу
Неумолимый лодочник Тальков.

«Я – ветхий Адам...»

Я – ветхий Адам.
Все ребра покамест целы.
Небесные реки
Туманны и драгоценны.

Я волен и глуп.
Неведома мне кручина.
Я сам по себе
Есмь следствие и причина.

И всё на мази.
Пустыня вздохнёт однажды,
И явится Ева —
Взаправду тогда возжажду.

«Пусть ветер утихнет в ветвях...»

Пусть ветер утихнет в ветвях
От возгласов наших нестройных.
На непроходимых путях
И тайно объявленных войнах —
Опять неизвестный солдат
Свинцом под лопатку ужален.

При жизни лишённый наград,
Посмертно с лихвою одарен.
Кому наши птицы поют,
По ком второпях умолкают?
Как будто конечный приют
Последнюю связь обрывает.

Сон

Гремуча праздничная тишь —
По крыше дождь стучит подковою.
А ты в две дырочки сопишь
И башни видишь с Иеговою.

Ветхозаветная стена
Зияет свежую промоиной.
И ни покрышки нет, ни дна
Неведомо какой убоине.

Камыш египетский высок.
Долины зеленеют ровные.
Облит испариной висок,
И крылья за спиной огромные.

«Дух мятётся. Ворон грает...»

Дух мятётся. Ворон грает.
И поныне Мировая
Длится, всё не утихает,
Дхарма свищет у виска и
Сердце – язва моровая
Или яма долговая —
Повторяет, умирая:
Эвоэ! Земля сырая!

«Оставить влажный след в морщинке...»

Оставить влажный след в морщинке
Ещё не старой старой девы.
В её французские косынки
Щекой зарыться охладелой

И наблюдать, как мостовыми
В штиблетах модных и кондовых
Снуют, что мнимые больные,
Носители идей бредовых.

В семье господ равновеликих
Себе взыскующие места,
О Бильгамесе с львиным рыком
Не знающие ни бельмеса.

«Карпатские горы родили мышь...»

Карпатские горы родили мышь.
Признавшись, что быть не могло иначе,
Взлетай на воздушном повыше крыш,
Дыши кислородом в камыш казачий.

Носи наизнанку, навыворот
Тулупы сомнений, овчины страсти,
И, зная, что сбудется, наперёд,
Подыскивай фото в гранитный паспорт.

Художник

Как ныне Сологуб уключий
Обосновался в «Волчьей Яме»
И холст белилами утюжит.
За ним Подол с монастырями

Зияет рваными краями,
Разлоги, ямы и ухабы,
Хароны, девы с чешуями,
Великий Гильгамеш с Хумбабой

И ведьмы киевские следом
На тайное стремятся брашно.
Мир снова юн и неизведан —
Лишь зарисован карандашно.

«Радуйся, человеке...»

Радуйся, человеке:
В мерзостях не замечен,
Не одарён парчами,
Не усыплён речами.

Крачет над степью кречет.
Голову вешать неча.
Корень травы медвяной
Всякую лечит рану.

Будет слеза струиться,
Как по стволу живица —
Лучших времён предтеча.
Радуйся, человеке!

Сирокко

Сирокко морщинит поверхность вод,
Приносит южную грусть;
В какие пустыни какой народ
Держит сегодня путь?

В жарких краях, где течет песок
Вместо святой воды,
Сделай последний сладкий глоток
Из чаши синей звезды.

Пирамида

Мой внутренний Аджимушкой —
Бойцы решили биться насмерть.
В чужие мысли, понапрасну
Наведываясь, не вникай.

Был Маслоу – будет Кузьмичёв.
Как пасынку и апатриду,
Ему воздвигнут пирамиду
Из плохо пригнанных стихов.

«Стань мне ближнею...»

Стань мне ближнею
или дальнею,
хоть Полиною,
хоть Наталиєю.

Промелькни в окне
отражением,
зазвени голово-
кружением,

чтоб приснилось мне
чёрной осенью,
будто семенем
в землю бросили —

и пророс я не
то колосьями,
не то прочею
бурой озимью.

И лежу себе
под сугробами
с лихоманками
и ознобами,

над судьбой своей
верховенствуя
до весеннего
равноденствия.

Vita Longa

«День прошёл...»

Е. Мордовиной

День прошёл,
 не оставив следа.
На круги
 возвратилась вода.
Твоих плеч
 сюрреален изгиб.
Миру мир!
 Дезертиру гип-гип!
Морю мор!
 Корабельный причал
Мою жизнь
 навсегда укачал.
Ты плыла
 по просторам аллей.
Паруса
 были крови алей.
Но дугой
 мир иной надо мной
И Мальчиш-
 Кибальчиш озорной
Ни обол
 не берет, ни пятак.
Говорит:
 «Проходи просто так!»

«Листья, исчезающе легки...»

Листья, исчезающе легки,
Над землёй черствеющей кружатся.
Жёлтые мигают огоньки,
Будто самолётов маяки,
Что, взлетев, уже не приземлятся.

Снятся им бездомные звонки
Телефонов дисковых казённых,
Фонарей чугунных светляки,
Гипсовые жухлые венки
И аллеи голые влюблённых.

Листьев неземная круговерть,
Изменений внешних постоянство.
Братьев наших наименьших смерть
Заставляет до весны говеть,
Жечь в кострах увядшее убранство.

Киевская осень

Прозрачная приходит осень,
Контора пишет, ветер носит.
Бунтует пламенный грузин.
Здоровый дух в астральном теле
Встать не торопится с постели,
Хлебнувши холода низин.

В кострах, как ведьм, сжигают листья.
Дымок от них исчезнет быстро,
Блажен, кто ближним нелюбим.
Его бесплодная природа
Не увядает год от года
И равноангельна, как дым.

«Море не замерзает, не застывает лава...»

Даше Суворовой

Море не замерзает, не застывает лава.
Кролики косоглазо пялятся на удава.
Алая вспышка слева. Противогоз натянут

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.